

сена и др., приводятся и посвященные Арсеньеву стихи советских поэтов. Книгу заключает аннотированный список всех работ Арсеньева и список литературы о нем. Надо отметить интересный подбор редких фотографий В. К. Арсеньева.

Следует приветствовать выход в свет этой интересной и полезной книги о замечательном русском путешественнике, ученом и писателе, человеке большого сердца и смелых замыслов.

А. Адамов

Е. М. Залкинд, М. Н. Хангалов, Улан-Удэ, 1945, 62.

Бурято-монгольский народ выдвинул в прошлом ряд ученых и культурных деятелей. Одна из самых ярких фигур среди них — Матвей Николаевич Хангалов (1858—1918), этнограф, собиратель фольклора и педагог. В лице М. Н. Хангалова бурято-монгольский народ имел не только крупного научного работника, но и общественного деятеля, прошедшего всю свою жизнь в родной, народной, бурятской среде и неутомимо борovéhoсего как со взяточниками и самодурами из царской администрации, так и с тайшами, нойонами и богатеями бурятских улусов, последовательно отстаивавшего интересы бурятских крестьянских масс. Значение деятельности Хангалова как этнографа и собирателя фольклора трудно переоценить. Надо заметить, что напечатаны далеко не все его труды. Рукописное наследство Хангалова составляет, указывает Е. М. Залкинд, — «десятки тетрадей с записями о шаманстве, целые томы фольклора — эпических произведений, сказок, легенд и т. п., этнографические описания, ... сводки архивных документов, сочинения о далеком прошлом бурят, о системе судопроизводства, положении женщин и т. д. Все это пока поκειται в архивных научных учреждениях». М. Н. Хангалов по своему образованию (он окончил в 1876 г. Иркутскую учительскую семинарию) не был специально подготовлен к той деятельности этнографа и фольклориста, которой он отдавал все свое свободное от педагогической и общественной работы время. Но путем самообразования и благодаря научному содружеству с Н. Н. Агапитовым, Д. А. Клеменцом и Г. Н. Потаниным кругозор и эрудиция Хангалова расширились, и он стал исследователем, стоявшим на уровне современной ему науки. Научная общественность, даже в условиях царской России, высоко оценила труды Хангалова и в 1888 г. он был избран действительным членом Русского географического общества. За содействие, оказанное французскому этнографу — академику Полю Лаббе во время его поездки в 1903 г. для изучения шаманства бурят, Хангалову было присвоено звание лауреата Французской академии.

Е. М. Залкинд в рецензируемой брошюре последовательно излагает жизненный путь и научную и общественную деятельность М. Н. Хангалова. Брошюра состоит из предисловия и шести глав. В первых двух описываются школьные годы и педагогическая деятельность Хангалова, его попытки реформировать начальное образование в школах для бурятских детей, опыт составления бурятского букваря и методы его педагогической работы. Следующие две главы посвящены научной работе Хангалова и в особой главе описывается его общественная деятельность. В заключение Е. М. Залкинд дает общую оценку деятельности М. Н. Хангалова, отмечая в частности, что этот неутомимый исследователь и просветитель своего народа был в то же время горячим сторонником приобщения бурято-монголов к великой русской культуре.

Давая общую высокую оценку трудам М. Н. Хангалова, автор рецензируемой брошюры останавливается особо на вопросе об «Зэгэтэ-аба». Дело в том, что Хангалов и Клеменц выделяли в истории бурятского народа целую эпоху — «Зэгэтэ-аба». При этом эпохе «Зэгэтэ-аба» приписывалось довольно резкое классовое расслоение, но затем общество «Зэгэтэ-аба», по Хангалову и Клеменцу, сменяется обществом, в котором господствует родовой строй. Е. М. Залкинд отмечает, в согласии с критическими замечаниями Н. А. Виташевского, опубликованными еще в 1916 г. («Живая старина», XXV), что в той форме, в которой Хангалов совместно с Клеменцом реконструировали эпоху «Зэгэтэ-аба», без ссылки на источники, без указания на характер и без разъяснения того, что в данной реконструкции вытекает из фактического материала и что является результатом обобщений самих авторов, — в этой форме их материал теряет значительную долю своей научной достоверности. Как устанавливает Е. М. Залкинд по рукописям самого Хангалова, одним из источников для реконструкции «Зэгэтэ-аба» был национальный бурятский танец «Хатарха», этапы которого, по мнению Хангалова, отражали ход охоты «Зэгэтэ-аба». Надо сказать, что сам Хангалов в рукописи о «Зэгэтэ-аба», которую он подготовил к печати, указывал на этот источник, по которому он реконструировал «Зэгэтэ-аба», но эта оговорка была вычеркнута Клеменцем. Что облавные охоты имели широкое распространение среди бурят и даже монголов, нет никаких сомнений. Об этом, как указывает Е. М. Залкинд, сообщают и Исбранд Идес и Паллас, и предание бурят, опубликованное Позднеевым, и хроники селенгинских и хоринских бурято-монголов. Облавная охота у коринских бурят описана также Ванбоцзреновым под названием «Аба-Хайдак». К этому можно добавить, что у тунгусов в некоторых очень популярных и наиболее архаичных преданиях тоже фигурирует в качестве основного фона, на котором раз-

вертуется сюжет, облавная охота на лося. Но, конечно, время «Эгэтэ-аба» не являлось особой эпохой, не укладывающейся в общепринятую периодизацию истории. У скотоводов-бурят бытование облавной коллективной охоты и весь комплекс традиций, связанных с ней, без сомнения, является пережитком ранних ступеней их истории, когда они, если не исключительно, то по преимуществу были охотничье-рыболовческим народом, подобно тунгусам, если только само происхождение бурят как особой монголоязычной народности не является в основном результатом монголизации некоторых южных прибайкальских тунгусских племен. Облавная охота была способом производства народов, занимавшихся охотой в качестве главного или подсобного занятия, и могла существовать как на ранних, так и иногда в качестве пережитка на сравнительно поздних ступенях развития первобытно-общинного строя, а в известных условиях — и на некоторых стадиях развития классового общества. Бурятская «Эгэтэ-аба» в том ее виде, в каком она описана Хангаловым, изображает, в частности, облавную охоту, бытующую уже в классовом обществе. Можно согласиться с Е. М. Залкиным в том, что в изображении Хангалова «Эгэтэ-аба» имеются две тенденции. Во-первых, это «стремление доказать», что у бурят в далеком прошлом господствовали артельные формы производства в виде «Эгэтэ-аба»; во-вторых, в его работах отражается протест против классового угнетения, которое он, не понимая исторической обусловленности социального неравенства, склонен усматривать во всех, даже древнейших стадиях общественного развития. Во всяком случае, вопрос о «Эгэтэ-аба» и о слособе производства и формах социальных отношений бурят в далеком прошлом нуждается в дальнейшем изучении. В этом отношении большую роль сыграют без сомнения и материалы самого Хангалова, в частности его неопубликованное исследование о «первобытной женской общине у бурят».

Бурято-монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики и Бурмонгиз сделали весьма полезное дело, издав брошюру Е. М. Залкина. Надо пожелать, чтобы и в дальнейшем появлялись издания, знакомящие советского читателя с жизнью и деятельностью местных этнографов.

Недостатками брошюры Е. М. Залкина являются отсутствие полной библиографии изданных и не изданных работ М. Н. Хангалова и большее количество опечаток, не исчерпанных приложенным их списком. Внешнее оформление брошюры также могло быть лучше.

Б. О. Долгих

Сергей Марков, *Юконский ворон*, Изд-во Главсевморпуть, М., 1946, 336; 2-е издание, «Советский писатель», М., 1947.

С. Марков избрал благодарную тему для своей повести: жизнь и деятельность Лаврентия Алексеевича Загоскина, замечательного исследователя Аляски. Живо и красочно автор разворачивает перед читателем широкую панораму. Он рассказывает об исследовании Загоскиным бассейнов рек Кукожвим (Юкон) и Квихпак, о племенах народа кан-юлит. Автор не только подробно и точно описывает внешность, одежду, жилища и другие стороны материальной культуры североамериканских индейцев, но и красочно и тепло рисует душевный мир этих простых, честных и храбрых людей. Перед нами проходит друг Загоскина — старый индеец Кузьма, образ большого обаяния и художественной силы, его возлюбленная Ке-Ли-Лын, отважная и честная девушка, и целый ряд других. С. Марков правильно все время подчеркивает разницу в отношении к туземцам со стороны истинного сына России, передового человека своего времени, Л. А. Загоскина, и бездушного, тупоумного и жестокой русской администрации. В столице Русской Америки, Ново-Архангельске, живет простая русская женщина Таисия Головлева. Это один из наиболее удавшихся образов повести. В ее отношениях к индейцу Кузьме автор хорошо подчеркнул, как по-дружески, с уважением к человеческому достоинству индейцев относится простой русский человек, интернационалист по природе, к туземному населению Аляски, как чуждо ему презрительное и жестокое отношение к «низшей расе». Но центральным образом в повести остается образ Загоскина, его жизнь и скитания, борьба с царским произволом и в Русской Америке, и в самой России, по его возвращении туда. Повесть знакомит широкие массы советских читателей с жизнью этого крупного русского путешественника-демократа, этнографа, зоолога и геолога на фоне российской действительности того времени и жизни Русской Америки, а также быта и нравов туземцев Аляски.

Следует отметить, что автор далеко не полностью использовал обильный этнографический материал, собранный Загоскиным о племенах, населяющих нижнее течение рек Квихпак, Кукожвим, южную часть залива Нортон (народ канг-юлит) и верховье этих рек, а также о племенах ттынайцев. Загоскин очень подробно описывает не только все стороны материальной культуры этих народов, но тщательно и красочно передает их духовную культуру — праздник в честь морского духа, а также очень интересный, им впервые описанный обряд поминания мертвых, который точно пере-